

Ангел Богданович

Г. Ив. Успенский
в воспоминаниях В.
Г. Короленко

Ангел Богданович
**Г. Ив. Успенский в
воспоминаниях В. Г. Короленко**

«Public Domain»

1902

Богданович А. И.

Г. Ив. Успенский в воспоминаниях В. Г. Короленко /
А. И. Богданович — «Public Domain», 1902

«Изъ числа писателей – народниковъ, выступившихъ цѣлымъ гнѣздомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, одинъ Глѣбъ Успенскій не только не затерялся въ "дали время", какъ почти всѣ его современники и сверстники, но сохранилъ неувядающую свѣжесть интереса и громадное значеніе, какъ бытописатель русской жизни. Стоитъ взять его произведеніе, что такъ часто приходится дѣлать нашему брату журналисту для справки, для цитаты, и уже не можешь оторваться отъ его нерѣдко гениальныхъ по яркости и жизненности страницъ...»

А. И. Богдановичъ Г. Ив. Успенскій въ воспоминаніяхъ В. Г. Короленко

Изъ числа писателей – народниковъ, выступившихъ цѣлымъ гнѣздомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, одинъ Глѣбъ Успенскій не только не затерялся въ "дали времени", какъ почти всѣ его современники и сверстники, но сохранилъ неувядающую свѣжесть интереса и громадное значеніе, какъ бытописатель русской жизни. Стоитъ взять его произведеніе, что такъ часто приходится дѣлать нашему брату журналисту для справки, для цитаты, и уже не можешь оторваться отъ его нерѣдко гениальныхъ по яркости и жизненности страницъ. Увлечшись чтеніемъ, забываешь и о справкѣ и просто наслаждаешься его чуднымъ языкомъ, этимъ истинно-русскимъ, яркимъ и образнымъ языкомъ, его художественнымъ умѣніемъ творить жизнь, изъ незначительной, пустой сценки возсоздать такую подавляющую подчасъ картину человѣческой скорби или несчастья, что, потрясенный до глубины души, откладываешь книгу, чтобы передохнуть отъ его мучительной правды. Его, какъ и другихъ великихъ нашихъ писателей, нельзя читать "сплошь", что называется: онъ до того волнуетъ, захватываетъ и заставляетъ вдумываться, что приходится то и дѣло откладывать книгу, чтобы овладѣть впечатлѣніемъ и лучше охватить всю глубину нарисованнаго образа. И когда, желая дать себѣ отчетъ, начинаешь вспоминать, что именно у него ярче всего, что законченѣе и цѣльнѣе встаетъ такая масса этихъ образовъ, такое разнообразіе "лицъ, нарѣчій, состояній", что невольно чувствуешь себя подавленнымъ громадностью захвата этого удивительнаго русскаго писателя, великаго знатока русской жизни и по истинѣ гениальнаго художника, по той проникновенности, съ которой онъ рисуетъ душу мужика, рабочаго, интеллигента, солдата и всякаго живого человѣка, въ данную минуту привлекающаго его вниманіе. Кого здѣсь только нѣтъ? Порфиричъ, Ершишка, Хрипуновъ, Михаилъ Иванычъ, Кудимычъ, Мырцецовъ, Тяпушкинъ, чиновникъ ("Задача"), "вольный казакъ", Иванъ Босыхъ, Иванъ Ермолаичъ, Варвара, спившійся дьяконъ, безконечная вереница разныхъ дѣльцовъ и дѣятелей, вплоть до того русскаго мужика, что силою однихъ "природныхъ дарованій" сразу, въ одинъ присѣсть, производитъ цѣнность въ сто рублей, и... Аракчеевъ. Да, и этотъ послѣдній, и такъ выписанный, что вы можете прочесть всего Шиллера, Богдановича, сколько угодно копаться въ "Русской Старинѣ" и все же не получите такого яркаго и цѣльнаго впечатлѣнія, какъ отъ нѣсколькихъ строкъ Глѣба Ивановича. "Страху имѣлъ въ себѣ, – рассказываетъ старый бурмистръ. – Столь много было въ немъ, значить, испугу этого самаго. Носъ у него, у покойника, былъ этакій мясистый, толстый, сизый, значить, съ сизиной. И гнусавый былъ, гнусиль... Идетъ ли, ѣдетъ ли, все будто мертвый, потому глаза у него были тусклые и такъ сказывали, какъ, примѣромъ сказать, гнилыя мѣста вотъ на яблокахъ бываютъ: будто глядять, а будто нѣтъ, будто есть глаза, а будто только гнилыя ямы. Вотъ въ этакое то видѣ – ѣдетъ ли, идетъ ли – точно мертвецъ холодный, и носъ этотъ самый сизый, мясистый, висить. А чуть раскрылъ ротъ – и загудитъ. точно изъ подъ земли или изъ могилы: "Па-а-л-локъ!" Да въ носъ, гнусавый былъ... "Па-а-л-локъ!" Это ужъ, стало быть, что-нибудь запримѣтиль... И только его и словъ было, а то все какъ мертвый... Вотъ какой былъ сурьезный, дьяволь!" Цѣльность впечатлѣнія отъ этого несравненнаго образа, такъ, мимоходомъ начертаннаго Глѣбомъ Ивановичемъ, еще усиливается тѣмъ, что рассказчикъ (въ очеркѣ "старый бурмистръ") весь на сторонѣ Аракчеева ("такъ... былъ порядокъ").

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.